

Н. А. БАРАНОВСКИЙ

АНТИДЕВИАНТНАЯ ПОЛИТИКА

**теория
и социальная
практика**

УДК 316.624
ББК 88.5
Б 24

Р е ц е н з е н т ы:

доктор социологических наук, профессор В. А. Клименко,
кандидат философских наук, доцент А. В. Лазаревич

Барановский, Н. А.

Б 24 Антидевиантная политика: теория и социальная практика /
Н. А. Барановский. – Минск: Беларусь, 2011. – 271 с.
ISBN 978-985-08-1320-6.

В монографии на основе междисциплинарного социологического, антропологического и культурологического подхода раскрывается антиобщественная сущность социальных девиаций и особенности их генезиса. Определяются основные направления современной антидевиантной политики по предупреждению и снижению уровня правонарушений и других социальных девиаций, защите прав граждан и поддержанию социального порядка.

Представляет научный и социально-практический интерес для социологов, криминологов, юристов, психологов, педагогов, социальных работников и других специалистов.

УДК 316.624
ББК 88.5

ISBN 978-985-08-1320-6

© Барановский Н. А., 2011
© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное белорусское общество в период новейшей истории находится на стадии переходного постсоветского развития, качественных экономических, политических, социальных и культурных трансформаций, формирования нового экономического и общественного строя, государства и образа жизни. На протяжении последних 20 лет длится процесс сосуществования и одновременно противостояния двух социально-экономических и политических систем общественных отношений – социалистических и капиталистических. Вследствие особенностей современного исторического развития, транзитивного геополитического положения Беларуси, внутривнутриполитической и экономической ситуации, исторической судьбы, традиций и менталитета белорусского народа переходный период все еще находится на первоначальной стадии – этапе поиска, проб и ошибок, столкновений экономических, политических и идеологических интересов, выбора пути социально-экономического и политического развития страны. Данные социальные процессы и противоречия оказывают негативное влияние на все стороны жизни белорусского общества, в том числе на состояние и тенденции развития деструктивных социальных явлений, таких как преступность, коррупция, пьянство, наркомания и другие социальные девиации, которые причиняют социуму значительный экономический, социальный и моральный ущерб и препятствуют его развитию. Деструктивные социальные девиации имеют социальную природу и сущность, их существование детерминировано социумом, всей системой экономических, политических, социальных и культурных отношений и процессов и проявляется в форме негативного социального поведения и образа жизни личности и социальных групп. Именно поэтому в исторические периоды социальных кризисов, катаклизмов и трансформаций негативные социальные проявления всегда имеют тенденцию к эскалации и росту. Об этом свидетельствует период 90-х годов истории нашей страны, когда преступность, которая является наиболее общественно опасной разновидностью деструктивных социальных девиаций, с 1990 по 2000 г. увеличилась в 1,8 раза (с 75 699 до 135 540 преступлений). Качественно изменились структура и характер преступности и других социальных девиаций, особенно выросли экономическая

и корыстная преступность, преступления против личности, коррупционная и организованная преступность, преступность, связанная с алкогольным и наркотическим бизнесом, потреблением спиртных напитков и наркотиков. В последующем десятилетии, несмотря на относительную экономическую и социальную стабилизацию и наметившуюся с 2006 г. некоторую тенденцию к сокращению количественных показателей преступности и других социальных девиаций, по-прежнему сохраняются относительно высокий уровень деструктивных социальных явлений и большой объем причиняемого экономического, социального и морального вреда. В частности, уровень преступности в 2010 г. превышает показатель 2001 г. в 1,3 раза, а показатель 1990 г. – в 1,9 раза (в 2010 г. было зарегистрировано 140 920 преступлений). Если мы вспомним общеизвестную аксиому, что уровень преступности является показателем социального и нравственного здоровья общества, а также высказывание французского криминолога первой половины XX в. А. Лакассана о том, что «каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает», то следует констатировать, что современное белорусское общество продолжает находиться в состоянии социального кризиса, переходного периода и исторической эпохи перемен, которая всегда чревата множеством негативных процессов и издержек.

В условиях сохраняющегося достаточно высокого уровня преступности и других социальных девиаций, которые не только причиняют обществу большой экономический, социальный и моральный ущерб, но и препятствуют выходу из социального кризиса и прогрессивной трансформации социума, особую актуальность и социально-практическую значимость приобретают междисциплинарные научные исследования, комплексно использующие знания социологии, антропологии, правоведения, психологии, культурологии и других наук, для разработки и проведения эффективной государственной антикриминальной и другой антидевиантной политики. На основе передовых социологических, антропологических и правовых научных знаний о сущности и закономерностях этиологии преступности и других социальных девиаций следует полагать, что современная государственная антидевиантная политика должна системно интегрировать и комплексно реализовывать на практике социально-развивающую, профилактическую, виктимологическую, правоприменительную и социально-реабилитационную деятельность, направленную на защиту прав и законных интересов граждан, поддержание социального порядка, предупреждение, снижение уровня социальных девиаций и минимизацию их негативных последствий для личности, государства и общества.

В монографии с применением междисциплинарного социологического, антропологического и культурологического теоретико-концептуального подхода на основе системной социально-детерминационной методологии исследуются сущность, состояние и этиология преступности и других деструктивных социальных девиаций, а также определяются основные направления со-

временной антидевиантной политики. Работа является результатом авторских многолетних научных исследований в области социологии девиаций, криминологии и виктимологии, проводимых сектором социологии права и социальных девиаций Института социологии НАН Беларуси самостоятельно и в сотрудничестве с Институтом государства и права НАН Беларуси, Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Использованы также научные результаты авторских исследований по грантам Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Социальная реабилитация молодых правонарушителей и молодежи из групп «социального риска» (1996–1997 гг.), «Виктимологическая политика: защита прав и оказание помощи жертвам преступлений» (1999–2001 гг.), «Стратегия эффективного социально-правового контроля преступности и защиты граждан от преступлений» (2003–2004 гг.), «Криминологическая экспертиза социальной политики и законодательства: теоретико-методологические и методические аспекты» (2006–2008 гг.). Эмпирическую базу составляют данные экономической, социальной и уголовной статистики Республики Беларусь за период 1990–2010 гг., результаты национального криминологического исследования эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, проведенного в 2010–2011 гг. временным научным коллективом Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Институтом социологии НАН Беларуси под эгидой ЮНИСЕФ в Республике Беларусь, программно-целевых опросов молодежи и экспертов – практических работников по проблемам профилактики пьянства, наркомании и правонарушений несовершеннолетних.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ КАК НЕГАТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

1.1. Понятие, сущность и виды социальных девиаций

В современной Беларуси сохраняется высокий уровень преступности, пьянства, наркомании и других негативных социальных явлений, которые препятствуют демографическому, экономическому, социальному и культурному развитию страны. Эффективная антидевиантная политика невозможна без научного знания природы и сущности социальных девиаций, закономерностей их этиологии, а также целенаправленной деятельности правоохранительных и других государственных органов, институтов гражданского общества по их предупреждению и противодействию. Научные исследования социальных девиаций осуществляют отдельная отрасль науки социологии – социология социальных девиаций (девиантология) и междисциплинарная наука о преступности – криминология. Данные явления изучаются также социальной антропологией, культурологией, психологией, педагогикой, генетикой и другими науками.

Объектом нашего исследования является социально-негативное девиантное поведение личности и негативные социальные девиации как социальные феномены. Негативное девиантное поведение является разновидностью социального поведения личности и других социальных субъектов и во многом имеет общие свойства и характеристики. Социальное поведение личности представляет собой детерминированное социальной средой, личностью и системой личностно-социальных интеракций (взаимодействий), опосредованное психикой (сознанием, волей и эмоциями) мотивированное деяние (действие или бездействие), влекущее наступление каких-либо личностно и социально значимых последствий. В зависимости от предметного содержания, мотивации и социальных последствий в плане их пользы или вреда для личности, социальных групп и социума, а также их культурно-нормативной оценки и соответствия социальным нормам, т. е. по материальному (предметно-содержательному) и формальному (социально-нормативному) критериям, различаются **два типа социального поведения личности**: социомерное (просоциальное) и девиантное (отклоняющееся). **Социомерное поведение** приносит пользу и способствует развитию личности и общества, а также соответствует действующей системе общепринятых культурных, нравственных, правовых

и других социальных норм. **Девиантное поведение** причиняет вред личности и обществу, препятствует их развитию и нарушает общепринятые культурные, нравственные, правовые и другие социальные нормы. Девиантное поведение неоднородно по своим социальным последствиям и социально-нормативной оценке. Оно может иметь как социально-позитивный, так и социально-негативный характер, т. е. быть *социально-позитивным* и *социально-негативным*. На эту особенность девиантного поведения обоснованно обращал свое внимание еще французский социолог Эмиль Дюркгейм, который полагал, что девиации – нормальное (т. е. естественное) социальное явление, без которого не может быть каких-либо культурных и социальных изменений и развития социума. Девиантное поведение, которое не соответствует общепринятым культурным и социальным нормам, но в настоящее время нейтрально, а в перспективе даже способствует развитию личности и общества, является **социально-позитивным девиантным поведением** (его можно также назвать социально-инновационным поведением). В данном случае речь идет о различного рода изобретениях, открытиях, нововведениях и других креативных действиях и поступках. Все они по своим социальным функциям и результатам социально позитивны и, можно сказать, опережают действующие культурные и социальные нормы и реальную действительность. Существует и девиантное поведение, которое не только не соответствует общепринятым культурным и социальным нормам, но и причиняет вред личности и обществу, препятствует их развитию. Это **социально-негативное девиантное поведение**. К нему относятся различные аморальные поступки, пьянство, наркомания, суицид, преступления и другие правонарушения. Данные формы социального поведения и являются непосредственным объектом нашего исследования (рис. 1).

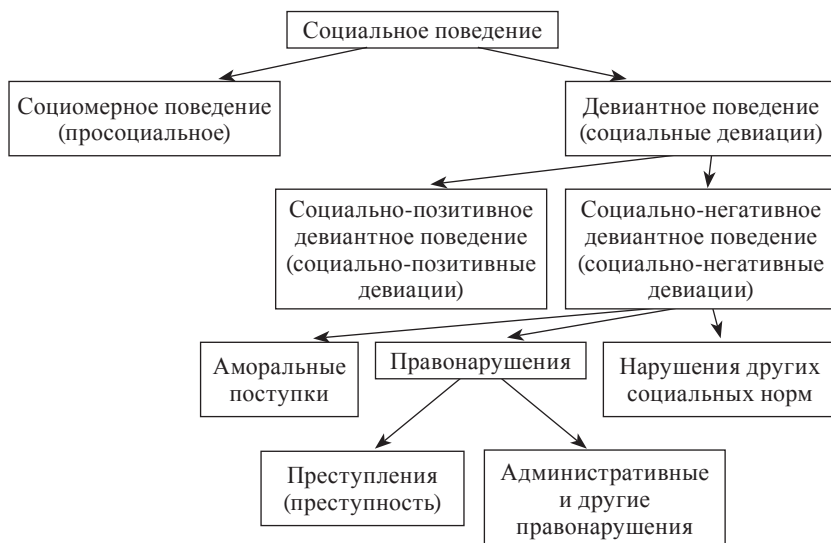

Рис 1. Виды социального поведения

В социологической и юридической литературе для обозначения негативных форм социального поведения используется и другая терминология: «негативные явления», «антиобщественные явления», «социальные патологии» и т. д. Все эти термины имеют недостатки. В частности, термин «негативные явления» слишком широкий по своему объему. Он охватывает, по существу, все отрицательное, что встречается в обществе, включая природные, социальные и другие явления, причиняющие вред социуму без указания на критерии их оценки. Термины «социальная патология» и «социальные болезни» более медицинские, чем социологические и юридические. При этом если оценивать негативное социальное поведение как социальную болезнь, то получается, что мы его рассматриваем как нечто чуждое социуму, не связанное с закономерностями его функционирования и развития, а как своего рода пороки и издержки развития общества. Термин «антиобщественное поведение» употребляется главным образом юристами, желающими подчеркнуть тот вред, который преступность и другие асоциальные формы поведения причиняют обществу. Недостатком его является то, что данный термин содержит смысловую нагрузку противопоставления и отторжения личности от общества, что представляется недопустимым с социологической точки зрения. Наиболее адекватным для обозначения девиантного поведения негативного характера является термин социально-негативное девиантное поведение, который мы будем использовать в дальнейшем. Таким образом, **социально-негативное девиантное поведение** можно определить как поведение, которое не соответствует общепринятым моральным, правовым и другим социальным нормам, причиняет вред личности, социальным группам или обществу, а также осуждается общественным мнением и влечет наступление какой-либо социальной ответственности.

Субъектами социально-негативного девиантного поведения могут быть как отдельные индивиды, так и социальные группы, общности и социальные институты (трудовые коллективы, семья, государственные органы, организации и т. п.). При этом оно может выражаться в форме поступка, деятельности (как системы действий и поведений), так и образа жизни.

По степени массовости, распространенности и форме социального проявления следует различать: 1) *индивидуальное социально-негативное девиантное поведение* (как социальный факт); 2) *совокупность однородных индивидуальных актов* социально-негативного девиантного поведения (как социальный вид); 3) *социальные девиации как социальное явление* (как социальный тип). Все эти понятия соотносятся между собой как философские категории «единичное», «особенное» и «общее». Каждое из них обладает своеобразным качеством, имеет свои особенности этиологии, бытия и развития. Данное исходное разграничение понятий имеет важное научное и практическое значение. Для того чтобы ту или иную совокупность конкретных актов социально-негативного девиантного поведения рассматривать **как социальное явление**, требуется наличие ряда условий. Во-первых, множественность поведенческих

актов. Во-вторых, устойчивость их существования во времени, т. е. наличие их в течение значительного исторического периода времени. В-третьих, распространенность в пространстве (на значительной территории и в разных регионах страны), а также распространенность среди различных социально-демографических групп населения (половозрастных, профессиональных и т. п.). Следовательно, социально-негативное девиантное поведение приобретает статус социального явления – социальных девиаций, когда имеют устойчивость проявления во времени, относительно массовый характер и распространение на значительной территории страны среди различных социально-демографических групп населения. На основании изложенного можно дать следующую дефиницию **социальных девиаций** – это обусловленное социальной неопределенностью и деструктивностью социальных отношений, закономерное, устойчивое во времени и массово распространенное, противонормативное негативное социальное явление, которое проявляется в совокупности конкретных актов социально-негативного девиантного поведения, а также всех их субъектов – девиантов. Таким образом, социологически значимыми конкретными социальными фактами для исследования социальных девиаций являются отдельные акты социально-негативного девиантного поведения и конкретные субъекты девиантного поведения – девианты. *По своей природе* социальные девиации – элементы общественной жизни и социума, которые обуславливают их генезис и бытие. *По своей сущности* – это сложное социо-антропо-культурно-нормативное негативное социальное явление, так как оно имеет место в обществе, реализуется через социальную активность личности и социальных групп, а также получает общественную оценку и категоризацию посредством системы нравственных, правовых и других социально-культурных норм, включая социальную реакцию со стороны общества в форме общественного осуждения и социальной ответственности. Разновидностями социальных девиаций являются преступность и другие правонарушения, пьянство и алкоголизм, наркомания и токсикомания, беспризорность и бродяжничество, суицид и другие массовые и устойчиво распространенные акты негативного девиантного поведения, которые не соответствуют общепринятым социальным нормам и причиняют вред личности, социальным группам, государству и обществу.

1.2. Состояние и тенденции развития социальных девиаций в современной Беларуси

Современное белорусское общество переживает период значительных экономических, политических, социальных и культурных трансформаций и формирования нового социального порядка и уклада жизни. Большое беспокойство в обществе вызывает сохраняющийся высокий уровень преступности и других социальных девиаций (пьянство, потребление наркотиков, коррупция, проституция, бродяжничество, суицид и др.), которые причиняют социу-

му значительный экономический, социальный и моральный ущерб и препятствуют его развитию. Происхождение и развитие преступности имеют социально обусловленный характер и взаимосвязаны с другими видами социальных девиаций. В связи с этим социологический анализ всех социальных девиаций необходимо осуществлять комплексно и системно, как единое целое явление.

Наибольшую общественную опасность представляет преступность. Преступность – закономерное, обусловленное социальными противоречиями, устойчивое и массовое социально-правовое явление, которое проявляется в совокупности преступлений, преступников и потерпевших. Преступности можно дать количественную и качественную характеристику и в связи с этим принято выделять количественные и качественные показатели преступности. Каждый из них играет свою особую роль в оценке преступности, но, взятый в отдельности, не может дать объективного представления о ней. Только во взаимосвязи друг с другом показатели преступности могут выполнять свое научно-практическое назначение с точки зрения углубления познания ее существенных сторон.

Основными количественными признаками преступности являются ее состояние, уровень (коэффициент) и динамика. Анализ преступности обычно начинается с оценки такого ее показателя, как объем (состояние), который определяется общим количеством совершенных преступлений, а также числом лиц, их совершивших, на определенной территории за конкретный период времени. Но при таком рассмотрении состояния преступности оно оказывается понятием собирательным. В широком понимании состояние преступности нельзя объективно оценить вне ее реальной динамики, темпов роста или снижения, темпов роста (снижения) отдельных групп и видов преступлений. Объективная оценка возможна лишь при комплексном подходе к состоянию преступности в стране, регионе или населенном пункте. Общее число зарегистрированных преступлений и общее число выявленных лиц, совершивших преступления, выражаются в абсолютных показателях. При этом следует иметь в виду, что число преступлений не всегда совпадает с числом лиц, их совершивших, так как одно преступление может быть совершено группой лиц, а одно лицо зачастую совершает несколько преступлений.

Качественные признаки преступности включают структуру и характер преступных деяний. Структура преступности раскрывает ее внутреннее содержание, соотношение групп или отдельных видов преступлений в общем их числе за определенный период времени на определенной территории, выделенных по разнообразным группировочным признакам: уголовно-правовым, уголовно-процессуальным, криминологическим, социально-демографическим и иным, и определяется соотношением (удельным весом) в общей преступности. Анализ качественных признаков за длительный период помогает вскрыть реальные тенденции и закономерности преступности. Показатели преступности в разных регионах неодинаковы. Это зависит от

организации и полноты учета преступлений, причин преступности и других обстоятельств. Например, в промышленно развитых районах может быть высоким уровень умышленных убийств и других насильственных деяний, а в сельской местности – краж и корыстных преступлений (структурный качественный показатель).

Изучение структурных показателей во времени дает возможность выявить реальные тенденции составных частей преступности, опираясь на которые, можно более точно прогнозировать преступность, ее отдельные группы и виды. Такой показатель преступности, как структура, может весьма существенно влиять на оценку криминальной ситуации, вытекающую из анализа одних лишь количественных признаков. Распределение преступлений по их многообразному качественному содержанию дает возможность глубоко проникнуть в суть криминологической обстановки в стране, регионе, городе и выработать эффективные меры предупреждения преступлений.

Важным количественным показателем является динамика преступности. Она отражает изменение преступности во времени. Во времени изменяется как состояние (уровень) преступности (количественный показатель), так и ее структура (качественный показатель). За временной интервал обычно принимается год. Но изменение преступности может отслеживаться по пятилетиям, по месяцам и даже по дням, что дает возможность выявить все ее колебания. Выбор интервала зависит от цели и характера исследования преступности. Динамика уровня преступности чаще всего излагается в виде статистического временного ряда по годам или другим периодам. Перевод абсолютных показателей в относительные (в проценты, коэффициенты, разы) дает возможность сопоставлять динамику уровня преступности по разным регионам, административно-территориальным единицам. В абсолютных показателях очень трудно сопоставить динамику преступности, которая в одной области может исчисляться миллионами, а в другой – сотнями. Но если данные о преступности базового года в той и другой области принять за 100%, то сопоставимость темпов роста и снижения преступности становится достаточной для их оценки. Динамика преступности, выраженная в процентах, более понятна и наглядна, если изображена графически. В статистике применяют два способа вычисления показателей динамики – базисный (когда за постоянную базу принимают данные одного года и последовательно сравнивают с ними показатели всех последующих лет) и цепной (когда определяются изменения показателей последующего года по отношению к предыдущему). При анализе показателей динамики используют ряд специальных статистических приемов – вычисление уровня ряда, абсолютного прироста или снижения темпов роста, величины процента прироста или снижения, сглаживание динамических рядов с помощью скользящей средней, укрупнение рядов и др.

Период новейшей истории Беларуси можно разделить на два этапа: 90-е годы XX в. – время системного социального кризиса, постсоветских перемен и выбора пути исторического развития; первое десятилетие нового столетия –

период относительной экономической и социальной стабильности и одновременно цивилизационного застоя. В русле данных исторических тенденций во всех сферах общественных отношений наблюдаются различные социальные изменения как позитивного, так и негативного характера. Преступность и другие социальные девиации особенно большими темпами увеличивались в кризисные и социально-противоречивые 90-е годы прошлого столетия. Количественные изменения сопровождались значительным ухудшением качественных показателей и ростом объема причиненного материального, социального и морального вреда. В частности, по данным уголовной статистики в стране за период с 1990 по 2000 г. зарегистрированная преступность увеличилась в 1,8 раза (с 75 699 до 135 540 преступлений), уровень потребления спиртных напитков на душу населения увеличился в 1,8 раза (с 5,7 до 10,0 л), количество лиц, находящихся на наркологическом учете в связи с потреблением наркотиков, увеличилось в 7,8 раза (с 682 до 5343 чел.). В последующем десятилетии (начало которого совпало с принятием нового Уголовного кодекса Республики Беларусь, что следует учитывать при криминологическом анализе динамики зарегистрированной преступности в стране) в условиях относительной экономической и социальной стабильности в стране начиная с 2006 г. до 2010 г. включительно наметилась устойчивая тенденция к сокращению количественных показателей преступности и некоторых других социальных девиаций. Так, по статистическим данным за 2010 г. было зарегистрировано 140 920 преступлений (в 2005 г. был зафиксирован максимально высокий показатель преступности – 192 506 преступлений), т. е. за пять лет сокращение на 26,8%. Позитивная динамика имеет место практически по всем видам преступлений, в частности, в 2009 г. по отношению к 2005 г. количество умышленных убийств и покушений на убийство сократилось с 1032 до 571, умышленных тяжких телесных повреждений – с 2206 до 1539, изнасилований и покушений на изнасилование – с 480 до 218, краж – с 103 134 до 82 340, грабежей – с 9960 до 5045, разбоев – с 1589 до 677, мошенничества – с 6967 до 4835, хулиганств – с 12 706 до 5137, преступлений, связанных с наркотиками, – с 5489 до 4451. Если в 2005 г. было зарегистрировано 17 303 тяжких преступления и 3 356 особо тяжких преступлений, то в 2010 г. соответственно 10 185 и 2394 преступления. Уменьшилось количество преступлений, совершенных группой лиц и в организованных группах, – соответственно с 12 414 до 11 935 преступлений в 2005 г. и с 496 до 297 преступлений в 2010 г. Сократилось также общее число лиц, совершивших преступления (в 2010 г. было зарегистрировано 74 109 чел., а в 2005 г. – 87 800 чел., т. е. на 15,6% меньше). При этом если в абсолютных показателях число женщин, совершивших преступления, за пять лет практически не изменилось (в 2005 г. – 11 700 чел., а в 2010 г. – 11 352 чел.), то в относительных показателях имеет место позитивная динамика (в 2005 г. – удельный вес женщин составил 13,3% от общего числа преступников, а в 2010 г. – 8,1%). Сократилось в 1,9 раза число зарегистрированных несовершеннолетних преступников – с 7500 чел. в 2005 г. до

3946 чел. в 2010 г. (в относительных величинах с 8,5 до 2,8%). Количество неработающих преступников сократилось с 51 452 чел. в 2005 г. до 42 778 чел. в 2010 г. (однако их удельный вес в общем количестве преступников, наоборот, увеличился с 26,3% в 2005 г. до 57,7% в 2010 г.). Количество лиц, ранее совершивших преступления, также сократилось с 42 170 чел. в 2005 г. до 31 189 чел. в 2010 г. (однако их удельный вес в общем количестве преступников, наоборот, увеличился с 21,7% в 2005 г. до 22,1% в 2010 г.). Количество жертв преступлений в 2010 г. составило 106 357 чел., из них – 44 733 женщины, 10 650 несовершеннолетних, 34 333 неработающих и 9418 находились в нетрезвом состоянии (для сравнения отметим, что в 2005 г. общее количество потерпевших от преступлений составляло 159 394 чел., т. е. за пять лет сократилось на 50%). Позитивная динамика отмечается и по уровню (коэффициенту) общей преступности в стране (в 2000 г. в расчете на 10 тыс. населения уровень преступности составлял 135 преступлений, в 2006 г. – 197, в 2007 г. – 186, в 2009 г. – 175, в 2010 г. – 148 преступлений (данные получены из «Статистического ежегодника Республики Беларусь» за 1990–2010 гг. и информационно-аналитической базы Министерства юстиции Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь, (см. приложение, рис. 1–19, табл. 1–4).

Вместе с тем, несмотря на позитивную динамику основных количественных показателей преступности, которая имеет место в последние пять лет, следует констатировать, что *в стране по-прежнему сохраняется относительно высокий уровень преступности и других социальных девиаций*, имеют место негативные их качественные характеристики и большой объем причиняемого экономического, социального и морального вреда. Основанием для такого вывода является то, что в 2010 г. зарегистрированный объем преступности все еще превышает показатель 2001 г. на 20,4% (140 920 преступлений в 2010 г. и 112 189 преступлений в 2001 г.), уровень преступности превышает показатель 2001 г. в 1,3 раза, а показатель 1990 г. – в 1,9 раза. Уровень потребления спиртных напитков на душу населения превышает показатель 2001 г. на 26,7% (8,8 л абсолютного алкоголя на душу населения в 2001 г. и 12 л в 2009 г.), количество лиц, находящихся в 2009 г. на наркологическом учете в связи с потреблением наркотиков, превышает показатель 2001 г. в 2,25 раза (5343 чел. в 2001 г. и 12 000 чел. в 2009 г.).

Данные социологических, криминологических и виктимологических исследований, которые позволяют получить максимально полную информацию, включая латентный уровень преступности и других социальных девиаций, свидетельствуют *о сохраняющейся высокой степени напряженности криминальной и другой девиантной ситуации в стране*. В частности, по оценкам криминологов-экспертов уровень реальной преступности в Беларуси составляет более 5 тыс. преступлений на 100 тыс. населения (общепринятым мировым предельно критическим показателем является 5–6 тыс. преступлений). Среди стран СНГ Беларусь по уровню зарегистрированной преступности за-

нимает второе место после России (меньше на 28%, в период существования СССР это отставание составляло 40%). Серьезную тревогу вызывает тот факт, что по уровню так называемой «пьяной преступности» (уровню преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения) Беларусь значительно опережает все страны СНГ, в том числе и Россию (по данным за 2008 г. в стране уровень «пьяной преступности» составлял 334 преступления в расчете на 100 тыс. населения, а в России – только 163 преступления). В 2010 г. в стране 17,6% всех преступлений совершались в нетрезвом состоянии (для сравнения отметим, что в 2001 г. – 11,3%, в 2005 г. – 14,2%), а среди насильственных преступлений – 75%. По данным 2008 г. по уровню краж Беларусь также опережает Россию, хотя и незначительно (932 и 902 кражи соответственно). По уровню преступности несовершеннолетних Беларусь занимает второе место после России – разница в 30% (61 и 82 преступления на 10 тыс. населения соответственно). Уровень убийств и тяжких телесных повреждений в Беларуси почти в 2 раза меньше, чем в России (7 и 14 убийств, 18 и 32 тяжких телесных повреждения на 10 тыс. населения).

Преступность в плане генезиса и детерминации тесно взаимосвязана с *пьянством и алкоголизмом*. По данным социальной статистики в Беларуси за период с 1990 по 2010 г. отмечается устойчивая тенденция увеличения потребления спиртных напитков, в том числе пьянства и алкоголизма. Так, если уровень потребления абсолютного алкоголя на душу населения в 1990 г. составлял 5,7 л, то в 2000 г. – 8,8 л, а в 2009 г. – 12 л. Потребление водки, пива и шампанского увеличилось в 1,4 раза, а плодово-ягодного вина – в 180 раз. С учетом «теневого» производства и потребления спиртных напитков, по оценкам экспертов, реальный уровень потребления алкоголя составляет более 16 л абсолютного алкоголя на душу населения, что в 2 раза превышает европейский уровень, который Всемирной организацией здравоохранения определен как критический для демографического, экономического и культурного развития страны.

Социологические исследования показывают, что потребление спиртных напитков в стране распространено среди всех социально-демографических групп населения, как в городе, так и в сельской местности. Употребляют спиртные напитки более 70% взрослого населения страны с преобладанием «пиво-водочно-винной» культуры потребления и «домашне-гостевой» формы алкоголепотребления. Одновременно достаточно широко распространена «улично-досуговая» форма потребления алкогольных напитков. Злоупотребление спиртными напитками по данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2010 г., распространено среди 15% взрослого населения, особенно среди мужчин 30–49-летнего возраста, рабочих промышленности, транспорта, строительства, безработных, предпринимателей, работающих пенсионеров (см. приложение, рис. 45–57).

Все более широкое распространение приобретают *потребление наркотиков и токсикомания*. Среди потребителей наркотиков и других токсических

веществ большинство составляют молодые люди в возрасте 16–24 лет (74%), подростков до 18 лет – 12%. Среди молодежи по данным социологических опросов пробовали или употребляют наркотики 9%, а еще 6% – токсические вещества. Дополнительно группу риска составляют 7% молодежи. Следовательно, наркомания и токсикомания непосредственно угрожают пятой части молодых людей. Более половины среди потребителей наркотиков составляет молодежь мужского пола (68% и соответственно 32% – женского пола). Среди потребителей наркотиков и других токсических веществ преобладают следующие социально-профессиональные группы: учащиеся ПТУ – 22%, учащиеся техникума, колледжа – 17, школьники – 15, рабочие промышленности, строительства, транспорта – 13, студенты вузов – 8, безработные – 6, рабочие сельского хозяйства – 6%. Соотношение жителей городов и сельской местности среди потребителей наркотиков примерно одинаковое (соответственно 51 и 49%).

Таким образом, анализ криминальной и другой девиантной ситуации в стране за последние два десятилетия свидетельствует, что достигнутые в последнее десятилетие (особенно с 2006 по 2010 г.) реальные позитивные изменения касаются главным образом снижения объема и темпов увеличения преступности и некоторых других социальных девиаций, но они, к сожалению, не достигают показателей 1990 г. В 2010 г. количество зарегистрированных преступлений и уровень общей преступности в стране превышают показатель 1990 г. почти в 2 раза; потребление алкоголя на душу населения – в 2,1 раза; количество потребителей наркотиков и токсикоманов, находящихся на наркологическом учете, – в 17,6 раза. При этом практически не изменились качественные показатели преступности и других социальных девиаций, такие как структура, характер и масштабы причиняемого экономического, социального и морального вреда. В общей структуре преступности сохраняется высокий удельный вес преступлений против собственности, умышленных убийств и тяжких телесных повреждений, экономических преступлений, преступлений, связанных с наркотиками, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а также молодежной, женской, групповой и организованной, повторной и рецидивной преступности, преступлений, совершаемых в общественных местах, с применением холодного и огнестрельного оружия, маргинальными лицами, которые нигде не работают и не учатся, увеличивается количество жертв преступлений. Уровень алкоголизации и наркотизации населения продолжает стремительно ухудшаться, что в ближайшем будущем неизбежно может оказать отрицательное воздействие на количественные и качественные показатели преступности и породить новую волну увеличения преступности. Исторический опыт многих стран мира показывает, что значительному увеличению преступности обычно предшествуют высокий уровень и негативная динамика пьянства, наркомании и других социальных девиаций, которые являются первыми признаками общего социального неблагополучия.

На основе данной статистической и социологической информации можно сделать вывод, что в современном белорусском обществе преступность и другие социальные девиации по-прежнему имеют достаточно широкое распространение и являются серьезной социальной проблемой, которая требует междисциплинарного научного исследования и нуждается в проведении активной и эффективной государственной антикриминальной и другой антидевиантной политики, в которой абсолютным приоритетом должна быть деятельность по предупреждению правонарушений и других социальных девиаций.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

2.1. Научные направления исследований социальных девиаций в социологии, правоведении, антропологии и психологии

Социальные девиации как одна из форм социальной активности личности давно являются объектом исследований представителей разных наук: правоведения, психологии, педагогики, философии, социологии и других, которые рассматривают их под своим углом зрения с использованием как общетеоретических, так и специфических методологических подходов и принципов. В мировой социологии, антропологии, психологии и криминологии сложились и получили развитие несколько теоретико-методологических подходов к исследованию преступности и других социальных девиаций: социально-структурный (теория экономического детерминизма и социально-классового конфликта К. Маркса; социальной дезорганизации и аномии Э. Дюркгейма); культурологический (теория социально-культурной аномии Р. Мертона); личностный (и его разновидности: культурологическая модель – теория социального характера и человеческой деструктивности Э. Фромма; социально-психологическая модель – теория дифференцированной связи, социального научения и культурной трансмиссии Э. Сатерленда; психологическая модель – теория социо-психо-генетического конфликта З. Фрейда; биогенетическая модель – теория агрессивности К. Лоренца; антропологическая модель – теории преступных типов личности Э. Кречмера и Ч. Ломброзо).

Рассмотрим главные содержательные моменты и принципы этих теоретических подходов социологического исследования девиантного поведения. Социологический анализ преступности как массового социального явления в начале XIX в. впервые был осуществлен бельгийским математиком и социологом А. Ж. Кетле. На основе данных уголовной и демографической статистики он сделал убедительный вывод, что преступность – социальное явление, происхождение и развитие которого обусловлено не биологическими или природными, а социальными явлениями и процессами и подчиняется статистическим закономерностям. «Общество, – писал он, – включает в себе зародыш всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются и условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступление, а преступник есть только орудие. Всякое социальное состояние предполагает, следовательно, известное число и известный порядок пре-

ступников, которые являются как необходимое следствие его организации» [21, с. 313]. А. Ж. Кетле проанализировал влияние на преступность возраста, пола, профессии, образования, климата и тому подобных условий, которые он дифференцировал на природные, социальные, культурные и другие факторы. Он их изучил в рамках господствующего в то время лапласовского механистического детерминизма, рассматривая все факторы как рядоположенные, а не взаимосвязанные между собой исходя из фиксации только жесткой причинной связи и необходимости между различными по своей природе и сущности явлениями.

Основоположниками **социально-структурного теоретико-методологического подхода** к социологическому исследованию девиантного поведения можно считать К. Маркса и Э. Дюркгейма. Несмотря на то, что они представляют две разные общесоциологические теории – теорию конфликта и теорию функционализма, в понимании социальной природы и социальной детерминированности девиантного поведения между ними много общего. Их объединяет подход к обществу как системе общественных отношений, оказывающей на личность детерминирующее воздействие в процессе ее жизнедеятельности, адаптации к обществу и интериоризации культурных ценностей и норм. Рассматривая личность как часть общества, они вместе с тем противопоставляли личность обществу, ставили личность в подчиненное положение по отношению к обществу (общество как бы расположено над личностью, доминирует над ней, предопределяет все социальное и культурное содержание личности). Вспомним хотя бы общеизвестное утверждение К. Маркса о том, что сущность человека – «не абстракт, присущий отдельному индивиду..., а ...совокупность всех общественных отношений» [55, с. 3]. Если К. Маркс, особенно в своих ранних философско-экономических работах, во взаимоотношениях личности и общества одновременно с зависимостью личности от общества признавал активное творческое начало личности, то Э. Дюркгейм абсолютизировал верховенство общества над человеком. Он полагал, что общественное нравственной и интеллектуальной человеческого и человеку нужно признать свою зависимость от общества и подчиниться ему. Отсюда вытекал и последующий социологизм Э. Дюркгейма в исследовании и объяснении личности и ее поведения, в том числе и девиантного. Он считал, что общество генетически возникло в процессе общественного разделения труда и последующего взаимодействия индивидов. Оно живет по своим законам и образует социальную реальность особого качества. Вся совокупность человеческих деятельностей – это социальный факт, т. е. находящаяся вовне человека объективная социальная реальность, которую можно объяснить только другими социальными явлениями. «Социальный факт можно объяснить только другим социальным фактом... признав внутреннюю социальную среду главным двигателем социальной эволюции» [25, с. 367]. Следовательно, причину поведения, по его мнению, нужно искать не в состояниях индивидуального сознания, а в природе общественной психической индивидуальности (ее сознании

и психике), закреплённой в культурных ценностях и нормах (культурной структуре), которые в свою очередь производны от социальных условий жизни (социальной структуры). «Исходными причинами коллективных представлений, эмоций, стремлений являются не состояния сознания индивидов, а условия, в которых находится социальное тело в целом». При этом Э. Дюркгейм полагал, что социальные условия «...могут реализоваться лишь при условии, что индивидуальные свойства не противятся этому; но последние являются лишь бесформенным веществом, которое социальный фактор определяет и преобразует» [25, с. 495–496]. Э. Дюркгейм, по существу, не отвергал общественную психологию и не выводил поведение непосредственно из социального бытия (социально-психологические явления, культурные ценности и нормы он называл социальными только для того, чтобы подчеркнуть их объективный (внеличностный) характер. Вместе с тем Э. Дюркгейм все же абсолютизировал социальную реальность (социальные условия и коллективное сознание), которая, по его мнению, имеет решающее значение в детерминации индивидуального сознания и поведения. «В действительности это человеческое сознание, которое мы должны полностью осуществить в себе, есть не что иное как коллективное сознание группы, к которой мы принадлежим», – писал Э. Дюркгейм [25, с. 367].

Таким образом, Э. Дюркгейм в сфере социально-экономических отношений за основу брал общественное разделение труда и связанную с этим социально-профессиональную дифференциацию общества, а в сфере культуры (коллективного сознания) – уровень социальной солидарности как общих культурных ценностей и норм. При этом он исходил из наличия жесткой конкретно-исторической и содержательной обусловленности культурно-нравственной среды социальной средой. «Право и нравственность изменяются не только от одного социального типа к другому, но и для одного и того же типа при изменении условий коллективного существования», – считал Э. Дюркгейм [25, с. 467]. Дезорганизация социальной жизни (деформация или дисфункциональность социальной среды – общностей, социальных институтов, социальных групп) порождает культурную аномию (культурный хаос, конфликты), которая обуславливает деформацию личности, нарушение единства и связей с социальной и культурной средой и соответственно приводит к противоправному поведению. Так объяснял Э. Дюркгейм генезис и механизм детерминации девиантного поведения.

В наличии в обществе социальных девиаций Э. Дюркгейм не видел ничего плохого, но при условии, что их распространенность и интенсивность невелика. Без отклонений от общепринятой нормы, по его мнению, не было бы никакого изменения коллективного сознания и социальных норм. «Преступление, ...необходимо, оно связано с основными условиями всякой социальной жизни и уже потому полезно, так как условия, с которыми оно связано, в свою очередь необходимы для нормальной эволюции морали и права», – считал Э. Дюркгейм [25, с. 466]. Высокий уровень распространенности девиантного

поведения как следствие культурно-нравственной аномии и социальной дезорганизации не желателен для общества. Выход Э. Дюркгейм видел в развитии корпоративной (социально-профессиональной, групповой) нравственности и права. «Чтобы аномия кончилась, нужно, стало быть, чтобы существовала или сформировалась группа, в которой могла бы возникнуть ныне отсутствующая система образцов». Последние он понимал как «не только привычный способ действия; это прежде всего обязательный способ действия», который возможен только в организованном обществе с «органической солидарностью», основанной на автономии индивидов, разделении функций, функциональной взаимозависимости и взаимобмене [26].

К. Маркс в своей социологической теории исходил из того, что в основе развития общества лежит не деятельность людей, а способ производства материальных благ, включающий единство производительных сил и производственных отношений. Определяющим фактором характера производственных отношений являются отношения собственности на средства производства, обуславливающие социально-классовую структуру общества. Наличие частной собственности на средства производства, разделение общества на антагонистические классы, эксплуатация одного класса другим, социальные противоречия и конфликты между ними порождают соответствующие социокультурные и ценностно-нормативные различия, противоречия и антагонизмы между классами, социальными группами и личностями, что в конечном счете и является социальной причиной преступности и других видов отклоняющегося от нормы поведения. «...Среднее число преступлений, совершаемых среди той или иной национальной части общества, зависит не столько от особых политических учреждений данной страны, сколько от основных условий, свойственных современному буржуазному обществу в целом», – писал К. Маркс [56, с. 531–532]. Социальные отклонения, по его мнению, имеют конкретно-исторический и преходящий характер. Они не всегда были и не вечные. Преодоление и постепенное искоренение преступности теоретики марксизма видели в коренном преобразовании капиталистического общественного строя, ликвидации частной собственности и эксплуатации, в построении социалистического общества. «Избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством», – писал В. И. Ленин [48, с. 89].

Таким образом, если в социокультурной сфере Э. Дюркгейм акцент делал на том, что объединяет людей, социальные группы и общности, т. е. на социальной сплоченности, недостаточный уровень которой, по его мнению, вызывает духовно-культурную аномию общностей и личности, то К. Маркс главное внимание уделял социальным и культурным противоречиям, конфликтам

и антагонизмам, отражающим прежде всего экономические и классовые интересы социальных групп и отдельных личностей.

В рамках социально-функциональной концепции девиантного поведения Э. Дюркгейма американский социолог Р. Мертон исследовал социально-культурные источники девиантного поведения. Свои взгляды он изложил в работах «Социальная структура и аномия» (1938 г.) и «Социальная теория и социальная структура» (1957 г.). Р. Мертон категорически отвергал стремление исследователей, которые пытались объяснить неудовлетворительное функционирование социальной структуры прежде всего за счет присущих человеку повелительных биологических влечений, которые недостаточно сдерживаются социальным контролем. Вместе с тем он полагал, что преступное поведение возникает в результате аномии – утраты человеком чувства идентификации и единства с культурной средой и социумом. В социальной и культурной среде он выделял два элемента: сферу устремлений, потребностей, целей, намерений и интересов, уровень их престижа, определяемых культурой, а также сферу институциональных (социально регулируемых, находящихся под социальным контролем) средств и способов достижения этих целей. Социальные группы, общности и общество в целом относительно стабильны и характеризуются значительной интеграцией, если в них существует соответствие и равновесие между целями, определенными культурой и институциональными средствами. Несоответствие, противоречие и конфликт между целями и социально возможными, допустимыми средствами их реализации обуславливает отклоняющееся поведение. Р. Мертон анализирует пять типов адаптации личности к такой ситуации: подчинение, инновацию, ритуализм, ретризм и мятеж. Для подчинения (конформизма) присуще соответствие поведения и культурным целям, и институционализированным средствам, т. е. правомерное поведение. Инновация – «эта форма приспособления вызывается значительным культурным акцентированием цели-успеха и заключается в использовании институционально запрещенных, но часто бывающих эффективными средств... Такая реакция возникает, когда индивид ассимилировал акцентированные цели без равнозначного усвоения институциональных норм, регулирующих пути и средства ее достижения» [58, с. 108]. Это происходит вследствие следующих социальных причин: отсутствия возможностей достижения желаемых целей либо «когда система культурных ценностей... перевозносит определенные, общие для всего населения, цели успеха, при этом социальная структура строго ограничивает или полностью закрывает доступ к одобряемым способам достижения этих целей для значительной части того же самого населения...» [58, с. 108]. При «ритуализме» как форме правомерного поведения желаемая цель отбрасывается как находящаяся за пределами достижимого и сохраняется подчинение и следование нравам и нормам. «Ретризм» связан с отказом от принятых данной культурой целей, а также от институциональных средств их достижения. «Мятеж» имеет место в случае, когда освобождение от господствующих стандартов, являющееся результа-

том неудачи или ограниченности перспектив, ведет к попытке ввести «новый социальный порядок». Особенностью культурологического подхода к отклоняющемуся поведению Р. Мертон является выход на социальную структуру общества, определяющую в значительной степени «поле возможностей» индивида, а также то, что, по его мнению, потребности, цели и устремления человека «обусловлены характером основных ценностей данной культуры», а не биологическими влечениями человека.

Анализируя связь между преступностью и бедностью, Р. Мертон делает вывод о том, что «бедность не представляет собой изолированной переменной. Она включена в комплекс взаимозависимых переменных социального и культурного характера... Бедность как таковая и сопутствующее ей ограничение возможностей сами по себе еще недостаточны для того, чтобы обусловить заметное повышение коэффициента преступного поведения... Только в том случае, если мы будем рассматривать всю конфигурацию, образуемую бедностью и ограниченностью возможностей, а также общую для всех систему символов успеха, мы сможем объяснить, почему корреляция между бедностью и преступностью в нашем обществе выше, чем в других обществах» [58, с. 111]. В результате своих исследований Р. Мертон приходит к выводу, что для обеспечения нормального функционирования общества, прогнозируемости и регулируемости поведения людей необходимо стремиться к оптимальному соотношению и координации целей и средств, определяемых культурной и социальной структурами общества, как важнейшему социокультурному фактору ограничения аномии общества, ослабления авторитета ценностей, нормативных стандартов поведения (или их отсутствия) и минимизации девиантного поведения.

В социологии социальных девиаций сформировалось также несколько теоретико-методологических направлений, в которых за основу анализа берется личность делинквента: антропологическое, биогенетическое, психологическое, социально-психологическое и культурологическое.

Биоантропологический теоретико-методологический подход основан на анализе связи социальных девиаций с особенностями физической конституции человека как биологической основы поведения. Немецкий психиатр Э. Кречмер, автор книги «Строение тела и характер», выделял пять типов личности: пикнический (большой корпус с короткими ногами), атлетический (хорошо развитое, пропорциональное тело), лептосомический или астенический (удлиненные формы и небольшой вес) и диспластический (отличающийся аномальностями развития). Каждому типу соответствует свой темперамент и предрасположенность к тем или иным видам поведения. Ч. Ломброзо, автор концепции прирожденного преступника, исходил из понимания естественного характера и вечного существования преступности. По его мнению, существуют определенные преступные типы с прирожденными атавистическими задатками к преступному поведению, ведущими начало от животной сущности человека. В последующем были предприняты попытки объяснения

причин преступления исходя из наследственной преступной отягощенности. В частности, о наличии у преступников дополнительной хромосомы типа «Y» (игрек). Однако многочисленные экспериментальные исследования опровергли такого рода детерминационные зависимости. Вместе с тем интерес к изучению антрополого-генетических предпосылок преступного поведения сохраняется и в настоящее время. Биогенетические теории рассматривают делинквентное поведение с позиций генетически запрограммированной предрасположенности человека к той или другой форме поведения. Современный уровень развития генетики пока не позволяет представить экспериментальные или статистические данные, подтверждающие достоверность этих теорий. В последнее время получила развитие социобиология, которая исходит из приоритета в системе детерминации поведения человека генетической предрасположенности, но в сочетании с факторами культурной и социальной среды. Среди представителей такого направления можно назвать К. Лоренца, автора книг «Агрессия, так называемое Зло» (1963 г.), «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» (1973 г.). По его мнению, эмоции и поступки человека, в том числе и агрессивное поведение, в огромной мере обусловлены генетически запрограммированной программой, унаследованной от высших приматов. Истоки генезиса агрессивного поведения он видит не просто в неудовлетворенности витальных потребностей, а в конфликте витальных потребностей со стремлением доминировать в обществе и возникающей в связи с этим психической напряженности, которая прорывается в агрессивных формах поведения. При этом моральные и другие социальные нормы оказывают модифицирующее влияние на агрессивное поведение человека [51].

Существует множество разновидностей **лично-психологического подхода** к исследованию девиантного поведения. Психологи-клиницисты источник отклоняющегося поведения видят в состоянии стресса, обусловленного внешними обстоятельствами или внутренними психическими состояниями. Своей главной задачей они считают разработку защитных механизмов для личности и оказания помощи для выхода из состояния фрустрационной напряженности, стресса в рамках социально приемлемых форм поведения.

Основополагающей концепцией личностной психологической модели девиантного поведения является теория социо-психо-генетического конфликта З. Фрейда [70]. Он полагал, что в основе поведения лежат врожденные инстинкты и потребности человека. Ведущее место среди них занимают потребности в любви (либидо) и в смерти (разрушении). Свободному удовлетворению природных потребностей человека препятствуют культурные традиции, обычаи и нормы. Поэтому человек находится в состоянии конфликта с обществом. Возникшее состояние фрустрации (психологической напряженности) ставит человека перед выбором: преодолеть запреты и нарушить социокультурные нормы; компенсировать чем-то другим; сублимировать (реально или психологически обеспечить замещение); подавить инстинкты. В процессе жизненного опыта у человека закрепляется тот или иной стереотип реагирования на фру-

страционную ситуацию и на этой основе формируются другие, в том числе и социальные, потребности: в насилии, в корысти, в алкоголе, в творчестве и т. д. Так происходит, по его мнению, развитие самой личности.

Таким образом, З. Фрейд изначально противопоставляет природную и социальную сущность человека, ставит человека в конфликтные отношения с обществом и тем самым как бы отделяет его от общества, а также абсолютизирует природное начало в человеке.

В центре внимания **социально-психологического личностного подхода** к исследованию девиантного поведения лежат межличностные и межгрупповые социальные отношения и взаимодействия, процессы адаптации и социализации личности, формирования на базе жизненного опыта привычек и социальных стереотипов поведения. Большинство социально-психологических концепций в качестве основы использует теории И. П. Павлова об условных и безусловных рефлексах, а также Б. Ф. Скиннера об оперантном обусловливании, социальном научении, системе социальных наказаний и вознаграждений. Применительно к исследованию отклоняющегося поведения такой подход был достаточно полно реализован в теории американского социолога Э. Сазерленда, которая получила название теории дифференцированной связи, социального научения и культурной трансмиссии. Согласно этой теории основной детерминантой преступности является социальная дезорганизация, возникающая в результате социальных процессов мобильности, конкуренции и конфликтов. Социальная дезорганизация ведет к конфликту культур, ценностей и норм. Личность, взаимодействуя с другими людьми, представляющими различные культуры, усваивает их социальные ценности и модели поведения, в том числе и модели преступного поведения. При этом чем более часты, интенсивны и устойчивы эти связи, тем больше вероятность того, что станет преступником (т. е. преступному поведению учатся, взаимодействуя и общаясь с другими людьми в малых социальных группах).

Таким образом, в мировой науке в исследовании социальных девиаций сформировалось несколько научных направлений. Прежде всего классическое нормативно-правовое научное направление – **юридическая девиантология**. Далее, антропологическое научное направление (биогенетическое, психологическое, социально-психологическое, психоаналитическое) – **антропологическая девиантология**. Социологическое научное направление (социально-экономическое, социально-структурное, социально-культурное, социально-личностное) – **социологическая девиантология**. И, наконец, междисциплинарное научное направление, интегрирующее социологические, антропологические и нормативно-правовые теории – **междисциплинарная социолого-антропо-нормативная девиантология**.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Социальные девиации как негативное социальное явление	6
1.1. Понятие, сущность и виды социальных девиаций	6
1.2. Состояние и тенденции развития социальных девиаций в современной Беларуси	9
Глава 2. Социальные девиации в системе социологического знания	17
2.1. Научные направления исследований социальных девиаций в социологии, пра- воведении, антропологии и психологии	17
2.2. Этиология социальных девиаций в контексте системной социально-детерминационной методологии	25
Глава 3. Современная антидевиантная политика: сущность и направления	51
3.1. Система антидевиантной политики	51
3.2. Предупреждение социальных девиаций в системе антидевиантной политики	64
3.3. Социально-правовой контроль и противодействие коррупционной преступности	72
Глава 4. Особенности ювенальной антидевиантной политики	78
4.1. Правонарушения несовершеннолетних и ювенальная антидевиантная поли- тика	78
4.2. Совершенствование системы профилактической работы с несовершеннолетни- ми правонарушителями	96
Глава 5. Жертвы правонарушений и виктимологическая политика	107
5.1. Виктимизация населения: состояние и динамика	107
5.2. Виктимологическая профилактика, защита прав и оказание помощи жертвам правонарушений	128
Глава 6. Пьянство как социальная проблема и антиалкогольная политика	139
6.1. Алкогольная ситуация и особенности этиологии пьянства в Беларуси	139
6.2. Антиалкогольная политика по снижению потребления спиртных напитков, предупреждению пьянства и формированию здорового образа жизни	148

Глава 7. Криминологическая экспертиза проектов законов и законодательства в системе антидевиантной политики	177
7.1. Понятие, предмет и задачи криминологической экспертизы проектов законов и законодательства в системе антидевиантной политики	177
7.2. Методология и методика криминологической экспертизы проектов законов и законодательства	179
Приложение	203
Заключение	263
Литература	267